

Борис Юстинович Норман

Белорусский государственный университет

Значение падежа и лексические пределы его действия (с особым вниманием к предложно-падежным формам)

Ключевые слова: грамматическое значение, падеж, предлог, лексическая база

Key words: grammatical meaning, case, preposition, lexical basis

Summary

Every grammatical meaning, including the one expressed by the form of the case and the preposition, is based on a certain lexical class (lexical basis). The article discusses possibilities of the formation of case forms with prepositions from nouns in modern Russian language; the existence of unique forms, inherent to limited number of words, is being assumed.

1. Падеж в славянских языках – одна из «самых грамматических» категорий. Правда, его описанию мешает не только объективная сложность самого явления, но и разное понимание термина «грамматика» В. Дорошевский когда-то писал, что врагом языкознания является сам язык – в словах «есть и опасность фетишизма, парализующего мысль» [Дорошевский 1973: 117]. Слову бывает трудно удержаться в терминологических рамках; в том числе и название *грамматика* расплзается по метафорическим контекстам, вплоть до «грамматики общения», «грамматики ошибок» или даже «Грамматики любви» (название рассказа И. Бунина) и тп.

Вслед за И.А. Мельчуком определим грамматическое значение как то, которое в данном языке подлежит обязательному выражению [Ахманова и др. 1961: 34]. Согласимся и с тем, что значение падежа имеет одновременно синтаксическую природу, так как обслуживает отношения между другими

языковыми элементами. Однако сравнение падежа с прочими категориями (число, род, определенность и т.д.), так же как наблюдения над внутренней структурой падежа, приводят к выводу, что языковые значения могут быть «более грамматическими» и «менее грамматическими». Иными словами, семантические оппозиции могут градуироваться по степени своей обязательности, обобщенности, регулярности выражения и тп. В целом это градация по линии противопоставления «лексическое значение – грамматическое значение», ср.: [Перцов 2001: 91–92].

1.1. Что касается способа выражения падежных значений, то это, конечно, прежде всего система окончаний (флексий). Однако и здесь возникает ряд вопросов и сомнений. Во-первых, даже в преимущественно синтетических языках – таких, как русский, – падежные окончания используются недостаточно регулярно и строго (это очевидно как на примере неизменяемых слов, так и на примере вариантов падежных форм). И вообще, говоря словами того же И.А. Мельчука, «регулярность выражения словоизменяемых значений – это относительная (градуальная), а не абсолютная характеристика» [Мельчук 1997: 256]. Во-вторых, рассуждая о падежах в языках синтетического строя, нельзя оставлять в стороне систему предлогов, и эта тема заслуживает специального комментария.

2. Предлог вместе с падежным окончанием существительного образует своего рода конфикс (у которого может быть совсем другое значение, чем у падежной формы без предлога). Скажем, значение комитатива (совместности, сопровождения), столь важное для русского языка, появляется у формы творительного падежа только в том случае, если она выступает в комплексе с предлогом *с* (*с приятелем*, *с портфелем*) – без такого условия творительный падеж данного значения не имеет. Соответствующее понимание статуса предложно-падежной формы было сформулировано Е. Куриловичем в его статье «Проблема классификации падежей». Ученый характеризовал предлог и падежную флексию в составе предложно-падежной формы как «субморфемы» [Kuryłowicz 1987: 181–182].

Тем самым общепринятая точка зрения на падежную систему русского языка как на 6-членную оказывается весьма условной и поверхностной. В этом проявляется, с одной стороны, наивный «морфологизм» традиционной грамматики, а с другой – уступка целям лингводидактики. На самом же деле в современном русском языке к шести «классическим» падежам надо было бы прибавить еще **несколько десятков падежей с предлогами**. Причем, как показала Г.А. Золотова в своем «Синтаксическом словаре» [Золотова 1988], предложно-падежные формы представляют целый репертуар свободных, обусловленных и связанных синтаксем – т.е. в данном отношении они ни в чем не уступают «чисто падежным» формам. А то, что некоторые предлоги обслуживают по нескольку падежей, не может быть основанием для их игнорирования в падежной грамматике – ведь и среди падежных флексий распространена омонимия. Как писал тот же Е. Курилович, «не

существует падежных форм, которые имели бы только одну функцию» [Kuryłowicz 1987: 31].

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что количество предлогов, в их сочетаниях с падежными флексиями, в русском языке постоянно возрастает, особенно если включать сюда аналоги предлогов типа *в дополнение к*, *в надежде на*, *в соответствии с*, *во главе с*, *за счет*, *имени*, *на манер*, *не говоря о*, *отталкиваясь от*, *по аналогии с*, *при отсутствии*, *путем*, *радиусом в*, *размером с* и тп.; см.: [Всеволодова и др. 2003]. И это тоже значимый факт в эволюции падежной системы. По мнению ученых, он свидетельствует о возрастающей степени аналитизма русского языка.

3. Второй вопрос, к которому хотелось бы привлечь внимание, – это диапазон действия грамматической категории, иначе говоря – широта лексической базы, на которой грамматическое значение (в том числе значение падежа) реализует себя. «Массовость» или «классовость» здесь – принципиально важный признак, потому что грамматическое значение обслуживает целый класс слов и подлежит обязательному выражению именно в пределах этого множества. По сравнению с ним лексическое значение имеет более индивидуальный или, если угодно, «штучный» характер.

В современной когнитивной теории лексическое и грамматическое значения противопоставляются друг другу в соответствии с особенностями «когнитивной репрезентации». В частности, Л. Талми определяет грамматическую семантику как семантику закрытых классов [Талми 1999: 92]. Это понятно: число лексических значений может легко увеличиваться за счет новых элементов; но множество грамматических элементов в каждый период строго задано и образует концептуальную структуру («рамку») языка.

Одно из ограничений на референцию закрытых классов, по Талми

нейтральность по отношению к конкретному представителю. Соотносясь с типами или категориями феноменов, формы закрытых классов не могут относиться к каким-либо отдельным их представителям. [...] В отличие от этого, например, существительные свободны быть как нейтральными, так и чувствительными по отношению к конкретному представителю. В традиционной терминологии это соответственно имена нарицательные, типа *кошка*, и имена собственные, типа *Шекспир* или *Манхеттен*. Таким образом, в языке могут быть имена собственные, но не может быть «предлогов собственных» [Талми 1999: 105].

В качестве теоретической декларации это выглядит очень красиво. Действительно, не должно быть случая, чтобы предлог обслуживал только какую-то одну – разовую, уникальную – ситуацию, это противоречит его природе.

3.1. Однако на практике дело обстоит не так просто. Скажем, темпоральные отношения в русском языке выражаются с помощью большого количества формальных средств, см.: [Всеволодова 1975]. В частности, значение ‘в пределах какого-то срока’ может обозначаться посредством предлога *в* + флексия винительного падежа (*в год*, *в день*, *в минуту* и тп.), предлога *за* + флексия

винительного падежа (*за год, за день, за всю жизнь* и тп.), конструкции с предлогами *в течение, в продолжение, на протяжении* + флексия родительного падежа (*в течение часа*) и тд. Выбор конкретного средства зависит от многих факторов, в том числе от характера глагольного действия. Ценнейшие наблюдения над соответствующими условиями содержатся в «Русской грамматике» А. Богуславского и С. Кароляка, одном из первых описаний русского языка в направлении «от смысла – к форме» [Bogusławski, Karolak 1970: 311–316].

Но есть среди этого многообразия темпоральных форм и уникальные. В частности, по-русски можно сказать *на неделе: Увидимся на неделе; Семь пятниц на неделе; На прошлой неделе Кити рассказала матери свой разговор во время мазурки с Вронским* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина). Но другие темпоративы такой формы не образуют, нельзя сказать «на часе», «на месяце» и тп. Еще более странно в этом плане выражение *на дню*, например: *И смотрят по пять фильмов на дню. Ужас!* (М. Веллер. Легенды Арбата). Существительное *день* употреблено здесь в своем обычном значении. Но если *дню* – форма предложного падежа, то она образована вопреки правилам. А если это дательный падеж, то с ним предлог *на* обычно вообще не употребляется. Получается, значение ‘в пределах какого-то срока’ выражается здесь уникальным способом, и предлог, вместе с падежной флексией, используется для одного случая.

Но, может быть, дело в том, что предлог сочетает в себе собственно грамматическую семантику с определенным (пусть «ослабленным») лексическим значением? Легко предположить, что падежи, включающие в свой формальный арсенал предлоги, особенно склонны к ограничению своей лексической базы. И это понятно: данные формы вторичны (более поздны) и воплощают в себе тенденцию к уточнению, к дифференциации обстоятельственных и объектных значений. По Т.Ю. Кобзаревой и Л.Г. Лахути, денотативное значение предлогов складывается из некоторых «ядер», одно из которых представляется наиболее естественным и наименее обусловленным в речи: в нем «признаки предметов и ситуаций выступают с наибольшей полнотой. Такие ядра являются как бы центром денотативного значения предлога» [Кобзарева, Лахути 1971: 137]. В остальных же случаях значение предлога обуславливается «номенклатурой», т.е. классами обозначаемых предметов. А М.В. Филиппенко в результате обзора современных исследований предлогов в западной литературе приходит к однозначному выводу о семантической самостоятельности этого вида служебных слов. Правда, поскольку ее обзор основан главным образом на материале языков аналитического строя, то «семантический шаблон», присущий предлогу, выявляется безотносительно к падежной флексии [Филиппенко 2000: 44–47].

3.2. Рассмотрим последовательно функционирование ряда предложно-падежных конструкций в современном русском языке.

3.2.1. Предлог *про* в сочетании с флексией винительного падежа в русском языке выполняет главным образом делиберативную функцию: он означает

‘о чем’ (*вспоминать про войну, рассказ про собаку* и тп.). Однако среди частных и более редких функций этого «конфикса» есть значение предназначенности (дестинатив): ‘для, ради’. Хотя реализуется оно, кажется, только применительно к одному существительному, а именно: *про запас*. Нельзя сказать: **Этот подарок – про моего знакомого*; **Купи картридж про принтер*; **Товары про женщин* и тп. Правда, форма *про* + вин. падеж в дестинативной функции употребляется еще с местоимениями: *не про нас писано, про всех не хватит* и тп. Но это в принципе ничего не меняет: предложно-падежная форма (в определенном значении) оказывается лексически «связанной».

3.2.2. Предлог *по* в сочетании с флексией винительного падежа имеет значение вертикального предела: *войти в воду по щиколотку, по колено, по пояс, ребенку тут по грудь, он тебе по плечо, погрузиться по уши*, ср. Метафорическое *сыт по горло*, даже *по самое не могу*. До тех пор, пока в роли существительного выступают названия частей тела, предлог довольно исправно выражает свою функцию (хотя тоже не всегда, ср. невозможное **по нос* – см.: [Ицкович 1982: 104]). Однако если выйти за пределы этой лексико-семантической группы, предложно-падежная форма утрачивает свою обязательную силу. У А. Фета читаем:

*По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи...*

– и эта фраза уже слегка царапает глаз. Но высказывания *Дом залило по второй этаж* или *Лом ушел в землю по половине* выглядят совсем уж маловероятными.

3.2.3. Тот же предлог *по* в сочетании с окончанием дательного падежа имеет в качестве одного из частных (и довольно редких) значений следующее: это «авторство (источник) текста, подвергшегося литературной или музыкальной обработке (переложению)». По-русски можно сказать: *фильм по Чехову, спектакль по Достоевскому, мюзикл по русским сказкам*. Даже экстравагантное название пьесы Е. Гришковца «По По» выглядит на этом фоне вполне естественным и соответствующим правилам грамматики (оно ничем не хуже, чем *по Короленко* и тп.). Но при этом единственная возможность для существительного в данной позиции – называть фамилию творца или первооснову художественного произведения.

3.2.4. Предлог *за* в сочетании с флексией творительного падежа может выражать причину: *за ненадобностью, за неимением денег, за истечением срока...* Но существительные в такой позиции практически заданы списком, их – немного, в пределах десятка. Совершенно невозможно сказать **За дождными пробками он опоздал на работу*, **За жаркой погодой мы остались дома* или **За усталостью я никуда не пошел*.

3.2.5. Предложно-падежная форма *на* + винительный падеж может использоваться для выражения ожидаемого психического результата (по Золотовой, это еще одна разновидность дестинатива): *на память, на удивление, на радость, на забаву, на потеху...* Но расширение лексического круга опять-таки

чревато нарушением нормы. «На возмущение» или «на умиление» сказать нельзя. Ср., впрочем, исключение, которое подтверждает правило: ... *Толстенький лысенький Хрущев, отдуваясь и брызгая водкой из пор кожи, плясал гопака на глумление соратников* (М. Веллер. Легенды Арбата).

3.2.6. Предложно-падежная форма *с* + окончание винительного падежа означает приблизительную меру: *с минуту, с неделю, с килограмм, с горсть, с кулак, со спичечный коробок, с десяток* и тп. (ср.: и фольклорное *мальчик-с-пальчик*). Лексическими маркерами или «усилителями» данной конструкции могут быть показатели типа *длиной, шириной, весом, величиной*, а также *примерно, почти, всего, целый* и тп. Чем традиционней, привычней указанная мера, тем легче образуется данная конструкция. Но за пределами привычных стереотипов эта форма работает плохо. Проведем (по Л.В. Щербе) лингвистический эксперимент. Можно ли сказать по-русски «с муху», «с тысячу», «с библиотеку», «с декаду», «с велосипед»? В принципе можно, но так не говорят. Впрочем, приведем опять «сомнительную» цитату:

Минут десять, когда золу исследовали и взвешивали тут же в палатке, ждали. По виду того, кто это делал, кажется, Вадима, можно было судить о результатах.

– Ну что там? – спросил Курчатов. – **С процент**, наверное?

– Да, один процент.

– Столько примесей! – необычно злая скороговорка металась за крупно шагавшим по палатке Курчатовым (М. Горбунов. Предсказание апреля).

3.2.7. Предложно-падежная форма *при* + окончание предложного падежа может обозначать предмет, служащий важным внешним признаком субъекта: *при погонах, при орденах, при галстукe, при шпaге, при параде, при драгоценностях, при макияже...* Все это – типичные внешние аксессуары. Но можно ли сказать по-русски: «при бороде и усах», «при очках», «при зонтике», «при пакете»? Вот реальный пример: *Вы идете вся при пакете, то есть нежная и удивительная, цветочек в целлофане с бантиком* (Э. Медведкин. Снимается кино). Понятно, что в сознании носителя языка есть некоторый лексический прототип «внешнего аксессуара», и именно соответствие ему позволяет определить данную конструкцию как грамматически правильную, см.: [Норман 2007].

3.3. Нетрудно показать, что и другие предложно-падежные формы русского языка сильно ограничены в своей лексической реализации – такие, как *в* + окончание винительного падежа в значении «генетического подобия» (*в дедушку, в родню; ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца...*), *по* + окончание винительного падежа в целевой функции (*по воду, по грибы, по ягоды...*), *по* + окончание предложного падежа в темпоральной функции 'после' (*по приезде, по приходе, по возвращении, по завершении...*) и др. (ср.: [Ицкович 1982: 98 – 111]). А Г.А. Золотова, сравнивая между собой обороты типа *собака за зайцем, машина за доктором, за невестой приданое, слово за президентом* и тп., показала, что «связанность», или несвободность, этих

конструкций с предлогом *за* заключается не только в использовании определенной предложно-падежной формы и заданного порядка слов, но и в правилах лексического заполнения позиций [Золотова, 1997]. Все это подтверждает, что по крайней мере некоторые предложно-падежные формы «лексикализованы», ограничены в своей реализации определенным кругом слов.

4. Но, может быть, «чистые» (беспредложные) падежные формы независимы от условий лексической реализации? Уж они-то, казалось бы, никак не могут уподобляться «именам собственным» (используя сравнение Л. Талми) и функционировать по принципу «штучной» грамматики. Не может существовать падеж для одного слова – он всегда охватывает своей семантикой целый класс слов (а в идеале **все** имена). Вообще для грамматической категории, как уже говорилось, характерен **максимально широкий охват лексики**.

Но это опять-таки в идеале. А на практике мы постоянно сталкиваемся с определенными ограничениями на реализацию падежного значения, которые носят закономерный характер. И это касается даже не тех «сомнительных» падежей, которые в свое время были выделены А.А. Зализняком – «местного» (локатива: *находиться в шкафу*), «количественно-отделительного» (партитива: *дайте чаю*), «счетного» (*два часа, три ряда, четыре шара* – с ударением везде на последнем слоге), «включительного» или «превратительного» (*пойти в солдаты, выбрать в депутаты* и тп.). Нет, лексические «запреты» сопровождают функционирование и, так сказать, классических русских падежей.

4.1. Скажем, хорошо известно, что форма винительного падежа, кроме объектного значения, имеет еще обстоятельственное – темпоральное (по Куриловичу, оно относится к числу «конкретных» значений), например: *Неделю ждать ответа; День он ходил расстроенный* (особенно хорошо реализуется это значение в комплексе с квантификатором: *целую неделю, весь день...*). Но стоит выйти за пределы лексико-семантической группы темпоративов – и выражение соответствующего значения становится проблематичным. В частности, зададимся вопросом, возможно ли сказать по-русски: «Отпуск он будет читать диссертацию»? «Дорогу он молчал»? «Книгу он скрывается от властей»? (ср.: *весь отпуск, всю дорогу, всю книгу...*). Ср. и реальный пример: *Он [литературный герой – Б.Н.] не молод и беспомощен в борьбе с Системой. Всю книгу скрывается от властей* (газета «Комсомольская правда», 13.01.1998).

4.2. Форма творительного беспредложного может выражать значение пути, маршрута передвижения: *идти лесом, ехать берегом, бежать лугом*. Но опять-таки стоит выйти за пределы весьма ограниченного списка лексем – и конструкция оказывается на грани нормы. Приведем две иллюстрации из поэтических текстов:

Забором крался конокрад [...]
Раскагывался балкой гул,
Как баней шваркнутая шайка...

(Б. Пастернак, Тема с вариациями).

Страна большая. От Москвы отъедешь –
 Так сразу по стране и едешь
 Бодрствованием едешь и ночлегом
 И вся она покрыта снегом
 (Д.А. Пригов, Страна большая...)

Уместно вспомнить здесь слова Г.А. Золотовой: «Разные группы существительных по-разному проявляют себя в синтаксисе, и это зависит прежде всего от их значения» [Золотова 1982: 123]. Действительно, каждому лексико-семантическому классу существительных предписан свой набор падежных форм и значений.

Заметим, что в других славянских языках – скажем, чешском или польском, – конструкция с «творительным пути» характеризуется значительно большей регулярностью. Но каждый язык, разумеется, сам устанавливает лексические пределы, ограничивающие действие падежных значений.

4.3. Подобных примеров можно привести множество. Они свидетельствуют о том, что падежная форма (в том числе без предлога) нередко выражает свое значение, опираясь на весьма ограниченный круг лексики. Но если эта база может исчисляться какими-то десятками слов, то спрашивается, что мешает появлению случая, в котором падежное значение будет привязано к одной-двум лексемам? Или тогда эта форма просто не будет восприниматься как падежная?

5. Конечно, можно интерпретировать лексическую «связанность» падежа в свете селективных ограничений, навязываемых семантикой господствующего слова (предиката).

В структуре соответствующего предиката и аргумента существует общий компонент, свидетельствующий о связи между ними. Этот компонент, применительно к предикату, принято называть селективным ограничением. Другими словами, предикат отбирает свои потенциальные аргументы и принимает только те, которые согласуются с ним благодаря наличию в их структуре компонента, который встроен в структуру самого предиката [Topolińska 2010: 16].

Но нашей целью в данном случае является анализ падежного значения в отвлечении от предикатно-актантной структуры, в составе которой оно сигнализирует присутствие того или иного аргумента. Наша позиция оправдана еще и тем, что далеко не всегда употребление в речи падежной формы (и соответствующего значения) определяется предикатом. Во всяком случае, значения «примыкающих» падежных форм (сирконстантов) достаточно самостоятельны. Вот что говорит об этом вузовский учебник русского языка:

Влияние главного члена на выбор формы зависимого существительного может быть минимальным или даже вовсе не проявляться: *дом у дороги, девочка с косичками*. Сама зависимая словоформа (особенно с предлогом) выбирается по свойственному ей значению – состояния, пространства, времени, причины и т.п. [Касаткина 2001: 642].

О том же, хотя и с других теоретических позиций, пишет чешская исследовательница Я. Панева: «Свободные распространители» (free adverbials) способны присоединяться к любому глаголу, но при этом их морфологическая форма не зависит от этого глагола [Páněvová 2003: 142].

6. Итак, каждая граммема, каждое грамматическое значение проецируется в сознании носителя языка на определенный (прототипический, в некотором смысле «идеальный») лексический класс. В этом суть явления **изосемии** как соответствия лексико-семантической доминанты слова его типовой синтаксической функции (и наоборот). Иными словами, говорящий и слушающий исходят из предположения, что речевое поведение слова должно внутреннее согласовываться с его номинативной природой – и в огромном большинстве случаев эти ожидания оправдываются! Между единицами лексики и грамматики существуют вероятностные «предпочтения», их семантические элементы пытаются во встречном поиске «нащупать» друг друга. Весомое подтверждение сказанному мы находим в экспериментах Ю.Н. Караулова:

Грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, «размазана» по ассоциативно-вербальной сети [Караулов 1993: 6–7].

По данным ученого, более половины всех ответов в ассоциативных экспериментах направлены на создание словосочетаний и предложений, т.е. носят отчетливо грамматикализованный характер.

6.1. То, что слово безразлично к синтаксической функции, в которой оно используется, давно известно. Но данный факт может послужить основанием для объяснения некоторых тенденций развития грамматического строя. Если носитель языка в своей речевой деятельности привыкает к определенному (изосемическому) употреблению слова, то это может вести к обесцениванию той морфологической формы, в которой слово выступает! И если предлог, в силу своего (пусть «редуцированного») лексического значения, еще сохраняет свою значимость как маркера синтаксической позиции, то его партнер – падежная флексия – такую роль теряет. Возможно, в этом кроется одна из глубинных причин не раз отмечавшейся в современном русском языке «тенденции к аналитизму и к ослаблению функции падежа» [Недомова 2007: 318]: предлог становится важнее, чем падежное окончание.

6.1.1. Любопытно в этом отношении поведение топонимов типа *Кемерово*, *Лунёво*, *Тушино*. Многократно отмечалось, что данные названия в русском языке постепенно «переходят в разряд существительных, не изменяемых по падежам» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 138]. Однако думается, что есть некоторые факторы, дифференцирующие этот процесс. В частности, в косвенных падежах без предлога такие собственные имена склонны сохранять словоизменение, ср.: *Кемерову не хватает учителей*; *В окрестностях Лунёва бьют ключи* и тп. Но в большинстве контекстов топоним выполняет

привычную для себя локативную функцию – и там флексия, по сути, становится ненужной, потому что соответствующую нагрузку берет на себя предлог: *В Кемерово есть университет; Воздушный парад над Тушино* и тп.

6.1.2. Указанной тенденции – к ослаблению роли падежной формы – могут способствовать и иные факторы, например, сочинительный ряд в качестве речевой «подсказки». Зададим себе вопрос: можно ли сказать по-русски про человека: «он в кушаке», «он в бороде», «он в усах»? Вряд ли; во всяком случае, стилистически подобные сочетания небезупречны. Однако в следующих контекстах они оказываются вполне реальными, и основанием для этого служит поддержка соседей по сочинительному ряду, ср.: *в тулупе – в кушаке, в брюках – в бороде, в шапках – в усах*:

Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке
(А.С. Пушкин, Евгений Онегин)

... На кафедре взобрался аукционист в клетчатых брюках «столетье» и бороде, ниспадавшей на толстовку русского коверкота (И. Ильф, Е. Петров, 12 стульев).

... Невысокие мужики в теплых меховых шапках и в вислых усах таскали корзины и ящики... (Л. Улицкая, Медея и ее дети).

7. Конечно, во всех случаях сужения лексической базы, в рамках которой реализуется грамматическое значение, происходит **фразеологизация (идиоматизация) сочетаний**. Фактически это означает, что падежное значение в составе целой конструкции утрачивает свою силу. Одновременно перед нами – лучшее свидетельство «прорастания» друг в друга лексических и грамматических значений. Если слово не реализует какое-то из потенциальных падежных значений, то, возможно, это не случайно: неполнота словоизменительной парадигмы становится признаком, поддерживающим или даже, в другой терминологии, «шифрующим» лексическое значение. (Специально об этом свойстве неполной парадигмы см.: [Норман 2011].)

8. Но здесь напрашивается и другой, более общий вывод. **Регулярность образования падежных форм обусловлена широтой соответствующего падежного значения**. А установление объема падежного значения – это вопрос, обращенный не только к самому языку, но и к исследователю, это вопрос конвенции и традиции. Получается, что регулярность функционирования падежа достигается поднятием планки семантической абстракции. А именно: если мы не обращаем внимания на то, в каком именно значении употребляется падежная (или предложно-падежная) форма, то сфера действия падежа оказывается широкой. Но как только мы учитываем, в каком именно значении употреблена данная форма, ее лексическая база неминуемо сужается. Таким образом, возвращаясь к началу статьи, можно сказать, что степень «грамматичности» падежа – в определенной мере не языковая, а метаязыковая проблема.

9. И, наконец, последний из вопросов, который напрямую связан с предыдущими. Этот вопрос стар, как сама славистика: **есть ли у падежа единое значение?**

В истории русской грамматики на него было три ответа:

А. У каждого падежа есть свое общее и единое значение. Такая точка зрения была теоретически обоснована Романом Якобсоном (у него, как известно, значение каждого падежа определяется сочетанием трех семантических признаков: направленности, объемности и периферийности – см.: [Якобсон 1985а; Якобсон 1985б]). Нередко под трактовку единого падежного значения подводится иная, в том числе лингводидактическая, мотивировка – как, например, в книге [Janda, Clancy 2002].

Б. У падежа есть несколько (разнородных и самостоятельных) значений. Такая точка зрения представлена в Академической грамматике русского языка 1952 года. Например, у родительного приименного выделяются 8 равноправных «основных значений» (Грамматика I 1953: 120–122). Фактически это шаг на пути к признанию того, что «внутри» одного падежа скрывается несколько падежей с более или менее омонимичным инвентарем морфологических форм.

В. У падежа среди его значений есть основное, «репрезентативное», и – «вторичные», периферийные. З. Тополинська определяет основные значения славянских падежей по их месту в системе отношений человека-деятеля к прочим возможным участникам ситуации (это составляет суть ее «антропоцентрической теории падежа» [Topolińska 2010: 20–30]). Из российских авторов на сходных позициях стоит, например, М.Ю. Федосюк. «Репрезентативную» функцию падежа он определяет как языковое значение, а остальные – как смыслы, обусловленные определенными контекстами, см.: [Федосюк 2010: 202–204].

По-видимому, эта последняя, в каком-то смысле компромиссная, точка зрения наиболее близка к истине. Чем «центральнее», т.е. репрезентативнее, данное падежное значение, тем оно свободнее от контекстуальных условий и тем шире у него лексическая база.

10. Думается, что столь же справедливо было бы утверждать, что и каждая предложно-падежная форма имеет некоторое «репрезентативное» значение, которое сопровождается прочими значениями, требующими большей опоры на контекст и обладающими более узкой лексической базой.

Возьмем для примера форму «предлог *по* + окончание дательного падежа» и спросим себя: что значат в русском языке выражения *по голове, по мосту, по морю, по кровати, по яблоку, по приказу, по конспектам, по понедельникам, по сказкам, по рассеянности*? Понятно, что единого (общего) значения у них нет и не может быть. Но первое, «наиболее естественное», значение, которое приходит в голову, – это поверхность, на которой происходит передвижение чего-то. Вот этот локатив и есть основная функция данной формы (*провести рукой по голове, идти по мосту, ползать по кровати* и тп.). А ее смысловую «периферию» образуют такие функции, как: основание ментального действия

(уволить по приказу, по твоим словам, по вашему желанию и тп.); дистрибутивный субъект или объект (в каждую комнату – по кровати, разнести по адресам, дать детям по яблоку и тп.); сроки повторяющегося действия (по понедельникам ходить в бассейн, по нечетным числам и тп.); литературный или музыкальный источник (по Лескову, по русским сказкам и тп.); каузатив (перепутать по рассеянности, по невниманию, по собственной глупости и тп.), объект-цель действия (огонь по врагу, скучать по морю, похлопать по плечу и тп.) и др. Тем самым (безотносительно к тому, зависит ли предложно-падежная форма от конкретного предиката, обусловлена ли она рамками целого предложения или вообще относительно самостоятельна) функции словоформ некоторым образом упорядочиваются, ранжируются по степени их значимости в системе языка.

11. Подытожим сказанное: потенциально парадигма слова полна. Но эта полнота имеет место в сознании до тех пор, пока говорящий не сталкивается с необходимостью образовать конкретную словоформу от конкретного слова. Вот тут с очевидностью проявляется избирательность языковой системы, обусловленная когнитивными и коммуникативными потребностями носителя языка. Представление же о реальном (речевом) наборе форм слова, в том числе форм предложно-падежных, лингвист может получить либо экспериментальными (психолингвистическими) методами, либо из корпусов текстов – это мощный инструмент для исследования речевой реальности.

Литература

- Bogusławski A., Karolak S., 1970, *Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym*, Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Janda L.A., Clancy S.J., 2002, *The Case Book for Russian*, Bloomington: Slavica.
- Kuryłowicz J., 1987, *Studia językoznawcze*, Warszawa.
- Panevová J., 2003, Some Issues of Syntax and Semantics of Verbal Modifications [в:] *Proceedings MTT 2003. First International Conference on Meaning/Text Theory*, Paris, Ecole Normale Supérieure, June 16–18 2003, с. 139–146.
- Topolińska Z., 2010, *W sprawie przypadku. Gawęda językoznawcza*, Poznań.
- Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М., 1961, *О точных методах исследования языка*, Москва: Издательство Московского университета.
- Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., 2003, К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога, *Вестник Московского университета*, Серия 9. Филология, № 2, с. 17–59.
- Всеволодова М.В., 1975, *Способы выражения временных отношений в современном русском языке*, Москва.
- Грамматика русского языка*, т. I. *Фонетика и морфология*, 1953, Москва: Издательство Академии наук СССР.

- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П., 1976, *Грамматическая правильность русской речи*, Москва: Наука.
- Дорошевский В., 1973, *Элементы лексикологии и семиотики*, Москва: Прогресс.
- Золотова Г.А., 1982, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва: Наука.
- Золотова Г.А., 1997, О связанных моделях русского предложения [в:] Л.П. Крысин (ред.), *Облик слова. Сб. ст.*, Москва: Наука, с. 148–154.
- Золотова Г.А., 1988, *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва: Наука.
- Ицкович В.А., 1982, *Очерки синтаксической нормы*, Москва: Наука.
- Караулов Ю.Н., 1993, *Ассоциативная грамматика русского языка*, Москва: Русский язык.
- Касаткина Л.Л. (ред.), 2001, *Русский язык*, Москва: Academia.
- Кобзарева Т.Ю., Лахути Л.Г., 1971, О структуре денотативного значения предлогов [в:] *Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования*, Москва: Наука, с. 124–139.
- Мельчук И.А., 1997, *Курс общей морфологии*, т. 1, Москва–Вена.
- Недомова З., 2007, Как изменяется грамматика русского языка наших дней? [в:] *Русская словесность в контексте мировой культуры. Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ (Нижегород, 3–5 октября 2007 г.)*, Нижний Новгород, с. 315–318.
- Норман Б.Ю., 2007, «Деньги при нем» или «Он при деньгах?», *Русский язык в школе и дома*, № 3, с. 1–5.
- Норман Б.Ю., 2008, К семантике предложно-падежной формы [в:] *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*, Herausgegeben von A. Nagórko et al., Peter Lang Verlag, с. 191–198.
- Норман Б., 2011, Полнота / неполнота парадигмы как признак слова [в:] *Gramatika i leksika u slovenskim jezicima: zbornik referata*, Gl. Urednik S. Tanasić, Beograd–Novi Sad, с. 149–162.
- Перцов Н.В., 2001, *Инварианты в русском словоизменении*, Москва: Языки русской культуры.
- Талми Л., 1999, Отношение грамматики к познанию, *Вестник Московского университета*, Серия 9. Филология, № 1, с. 91–115.
- Федосюк М.Ю., 2010, Современные изменения в русском глагольном и именном управлении: тенденции или ошибки? [в:] М.Ю. Олешков (ред.), *Дискурс, текст, когниция: коллективная монография*, Нижний Тагил: НТГСПА, с. 200–209.
- Филипенко М.В., 2000, Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) [в:] Д. Пайар, О.Н. Селиверстова (ред.), *Исследования по семантике предлогов. Сб. ст.*, Москва: Русские словари, с. 12–54.
- Яacobсон Р., 1985а, К общему учению о падеже [в:] Р. Яacobсон, *Избранные работы*, Москва: Прогресс, с. 133–175.
- Яacobсон Р., 1985б, Морфологические наблюдения над славянским склонением [в:] Р. Яacobсон, *Избранные работы*, Москва: Прогресс, с. 176–197.